

straipsnių nesudaroma, tik jau buvę praplečiami, pataisinėjami.

Pridėtinių dalykų dažnokai nurodomi šaltiniai – šnektos, raštai. Retkarčiais gali būti papildomai nurodyti ir jau I rnr. buvusio dalyko šaltiniai ar literatūra; pvz., straipsnyje „Sekt“²³⁷⁴, perkelta-me iš¹²¹³, įterpta H. Adolfo gramatiką žyminti nuoroda Gr. 186. Literatūros chronologija – kar-tais pačiame papildyme tiksliai nurodyti metai (plg.²²⁷⁹ dėl pridėtinio „Eepretti“), įspėjama, ku-riuo leidimu remiamasi (plg.²³⁸,²⁴²³) ar pan. – turėtų padėti bent apytikriai nustatyti, kurio meto yra tos ar kitos rankos papildymai.

II rnr. priedai, būdami vėlesnių laikų ir daž-nai paimiti iš tokių šaltinių, kuriais norint galima ir tiesiogiai pasinaudoti, nėra labai svarbūs. Do-mėtis jais gal labiau spiria kitas tikslas – apvalyti tikrajį Fiurekerį nuo vėlesnių apnašų.

Pagaliau paskelbus Fiurekerio žodyno abu iš-likusius variantus šis žymus leksikografijos veika-las daugiau kam tampa prieinamas ir todėl gali-ma laukti, kad jame sukaupta informacija apie XVII a. latvių kalbos leksiką ateityje vis dažniau bus traukiama į baltų istorinės leksikologijos apy-vartą. Dar labiau turėtų žodyno vaizdą paryškinti ir jame slypinčius leksikos lobius atskleisti publi-kacijų rengėjo Fenelo pažadėta specialiai tam skir-ta monografija, pasirodysianti atskirai.

Vincas Urbutis

**Kuryłowicz memorial volume, I, ed. by
W. Smoczyński, Cracow, Universitas, 1995,
593.**

Nесколько лет назад лингвистический мир отмечал столетие со дня рождения выдающе-го польского лингвиста Ежи Куриловича (1895–1978). Е. Курилович прожил большую и содержательную жизнь. Многие из нас счастливы тем, что он был нашим современником. Лингвисты старшего поколения, которым не раз доводилось общаться с ним, хорошо знали его лично. Для моего поколения Е. Курилович был живым классиком, одним из выдающихся авторитетов лингвистического мира.

Отмечая это событие, Краковский Ягеллонский университет и его филологический факультет предприняли двухтомное издание юбилейного сборника лингвистических трудов, посвященных этому замечательному ученому. Е. Курилович был известен как крупнейший индоевропеист, а также как балтист и славист. Учитывая это, в первый том данного сборника вошли работы по индоевропеистике, не считая нескольких исследований по семито-хамитскому и тюркскому языкознанию, проблемы которых были также затронуты Е. Куриловичем в его исследованиях; во второй том – работы по балтийскому, а также славянскому языкознанию. Последний том в то же время представляет собой и четвертый том журнала “Linguistica Baltica”. Редактором данного издания является В. Смочинский.

Первый том сборника состоит из вводной и основной части с приложением индексов слов и имен.

В предисловии (с. V–VI) В. Смочинский объясняет цели и задачи предпринятого издания, а затем в отдельной статье (с. XI–XXIV) кратко прослеживает жизненный и научный путь Е. Куриловича. Свои воспоминания о нем в вводной части представляют В. Скалмовский (Лёвен) (с. XXV–XXX) и У. Дамбска-Прокоп (Краков) (с. XXXI–XXXIII). Данную часть завершает (с. XXXV–LVII) избранная библиография научных работ выдающегося польского ученого, которая свидетельствует нам о том, что Е. Курилович уделял особое внимание прежде всего крупным формам работы: им было издано 12 монографий, однако большую ценность представляют и опубликованные им статьи, а также рецензии. В них содержится много важных идей и мыслей, не утративших своего значения и в настоящее время, о чем свидетельствуют авторы сборника в своих публикациях. Обращает на себя внимание и тот факт, что большинство работ были написаны и опубликованы Е. Куриловичем уже в зрелом возрасте, после второй мировой войны. В вводной части помещены также три личные фотографии Е. Куриловича и одна общая, где он запечатлен вместе со своим учителем А. Мейе в кругу других учеников этого знаменитого французского лингвиста. Среди них можно видеть Э. Бенвениста, Ж. Вандриеса, П. Шантрена, Л. Рену и др. Здесь необходимо заме-

титель: А. Мейе, как учитель, хотя и оказал большое влияние на Е. Куриловича, однако в ряде принципиальных вопросов последний имел совершенно противоположные взгляды, что говорит о его большой научной самостоятельности, примером чему служит его отношение к теории балто-славянского языкового единства. Если в 1908 г. эту теорию, как известно, впервые поставил под сомнение именно А. Мейе, который и в дальнейшем постоянно выражал к ней свое негативное отношение, то Е. Курилович в своих работах неизменно отстаивал и развивал теорию балто-славянского языкового единства, став одним из самых известных ее сторонников.

Основная часть первого тома юбилейного сборника включает 58 работ, представленных в тринадцати разделах: "Общие и методологические вопросы", "Индоевропейский язык", "Хеттский", "Тохарский", "Индоиранские", "Армянский", "Греческий", "Албанский", "Латинский", "Кельтские", "Германские", "Семито-хамитские" и "Тюркские" языки. Публикации напрямую связаны с темами или объектами исследования Е. Куриловича, что постоянно подчеркивается в сборнике. Количество авторов, как можно видеть, является рекордным, поэтому опубликованные здесь работы представляют в основном небольшие по объему статьи и краткие лингвистические эссе, которые однако очень интересны и важны по содержанию, поскольку написаны известными специалистами. Они изданы на английском, немецком, французском, итальянском и русском языках.

В ряде статей, входящих в раздел сборника "Общие и методологические вопросы", анализируются и развиваются общеметодологические взгляды Е. Куриловича в области индоевропейского языкознания. В статье "Использование Куриловичем структурального анализа" (с. 1–9) В. П. Леман (Аустин), рассматривает конечный согласный основ, от которых были образованы глаголы 5 класса в санскрите, и приходит к выводу, что данный согласный восходит к третьему ларингалу, обозначаемому им γ ". К. Х. Шмидт (Бонн), обращает внимание на тот факт, что сонантная теория К. Бругмана была предтечей ларингальной теории. Принимая во внимание теорию корня Э. Бенвениста, К. Х. Шмидт при анализе трех классов глаголов с носовым в основе де-

дает вывод (с. 11–18), что эти глаголы дают важное обоснование как для сонантной, так и для ларингальной теорий. А. Хольфут (Варшава) рассматривает (с. 19–24) вклад Е. Куриловича в теорию глагольного аспекта, а Р. Шмитт (Саарбрюккен) – в антропонику (с. 25–31). Т. Болелли (Пиза) обращает внимание на условности реконструкции и.е. корней (с. 33–37). Л. Беднарчук (Краков) поднимает важные проблемы типологии, лингвистических универсалий и изоморфизма, связанные с реконструкцией и.е. праязыка (с. 39–47). А. Богуславский (Варшава), анализируя (с. 49–58) вопросительные предложения с глаголом 'мочь' в ряде языков, сосредотачивает внимание на проблеме "вторичной синтаксической функции". В. Топоров (Москва) дает (с. 59–71) развернутый комментарий, касающийся сверхэмпирического смысла глагола 'стоять'.

В разделе "Индоевропейский язык" А. М. Шенкер (Йельский университет, Нью Хейвен) изучает (с. 73–80) функциональный аспект смычных согласных и.е. праязыка; Т. Гамкрелидзе (Тбилиси) рассматривает (с. 81–91) соотношение структуры корня и апофонии в картвельском, а также индоевропейском языках, где обнаруживает целый ряд важных параллелей, существующих между этими двумя различными языковыми семьями; Й. Э. Расмуссен (Копенгаген), исследуя и.е. апофонию (с. 93–100) и привлекая параллели из английского, древнеисландского и датского языков, приходит к парадоксальному выводу о наличии ударения у определенных и.е. форм с нулевой ступенью чередования; Х. Л. Гарсиа-Рамон (Мадрид) останавливается на вопросе конкуренции дат. и вин. падежей *nomina actionis* и определенных форм *abstracta* в ведийском языке (с. 101–113). Отдельные важные вопросы генезиса и.е. перфекта затрагиваются (с. 115–129) в статье П. ди Джовине (Рим) и небольшой публикации (с. 131–135) В. Стефаньского (Торунь). В. Ойлер (Мюнхен) показывает (с. 137–142), что формы инъюнктива представляют собой наиболее архаичную категорию и.е. глагола. Исходя из предположения В. Ковгила, а также используя материал анатолийского и др. греч. языков, О. Карруба (Павиа) в обстоятельной статье (с. 143–158) обосновывает гипотезу, согласно которой формы на

-ter в терминах родства (типа *bhrāter ‘брат’, *dhugāter ‘дочь’ и т.п.) являются не суффиксом *nomina agentis*, а исчезнувшей лексемой *H₂ter, имеющей значение ‘родство’. Принятие данной гипотезы значительно подрывает постулат о том, что в раннеиндоевропейском языке не было различия между мужским и женским родом. Основой этой гипотезы, как известно, во многом является отсутствие суффиксального различия у приведенных выше форм. Заключает данный раздел статья Й. Славомирского о прономинализации и аналогии (с. 159–164).

В раздел “Хеттский язык” входит статья Ф. Йозефсона (Гётеборг) о дирекциональной функции хеттских глагольных частиц (с. 165–176) и три небольшие лингвистические эссе: Я. Пухвела (Лос-Анджелес) “Хеттские глаголы с ларингально-суффиксальным инфиксом” (с. 177–179); Н. Оттингера (Аугсбург) “Хеттское *arpezzija-* и ведийское *arpuá-*” (с. 181–185), а также Г. Т. Рикова (София) “Индоевропейский *h₂ и *h₃ перед *u и *i в хеттском языке” (с. 187–190); в последнем эссе обращается внимание на то, что первый из указанных ларингалов исчез, а второй сохранился.

В разделе “Тохарский язык” помещена развернутая статья Г.-Ж. Пиноля (с. 191–205) об этимологии тох. (Б) слова *uṣuwar* ‘kindly’ и небольшая заметка Д. К. Адамса (Университет Идахо в Москве – США) “Тохарский А *āstār, В *astare* ‘clean, pure’ and PIE *h₂eh₁(s)-‘burn’ (с. 207–211).

Раздел “Индоиранский язык” открывает (с. 213–233) статья А. Любоцкого (Лейден) о рефлексах интервокальных ларингалов (*-āHV-) в санскрите. Г. Хёнигсвальд (Филадельфия) затрагивает (с. 235–238) происхождение соединительного гласного -i- в формах ведийского перфекта, Т. Я. Елизаренкова (Москва) рассматривает (с. 239–245) сложные случаи выражения глагольных категорий и грамматических форм в “Ригведе”, значение которых определяется не морфологической структурой, а контекстом. Б. Форссман (Эрланген–Нюрнберг) дает этимологию названия ведийского растения *arāmārgá-*, сближая это слово с др. греч. ἀπομόρυνον (с. 247–253). В обстоятельной статье Й. Гипперта (Франкфурт-на-Майне) анализируется (с. 255–277) синтаксическое использование древнеиндийского инфинитива на -tum. Две небольшие работы посвящены вопросам иранской филоло-

гии: Дж. И. Эдельман (Москва) останавливается (с. 279–285) на проблемах аналогии в истории иранских языков, а В. Скалмовский (Лёвен) предлагает (с. 287–290) новую этимологию для новоперсидского слова *xāna* ‘дом’.

Двумя работами представлен также раздел “Армянский язык”. В обстоятельной статье М. Джоб (Марбург) обсуждает (с. 291–311) вопросы относительной хронологии передвижения согласных в древнеармянском языке. Импульсом для обсуждения этой сложной проблемы послужила публикация Р. Стемпела. В лингвистической заметке Дж. А. К. Грессина (Кливленд) постулируется (с. 313–315) переход и.е. *He > др. арм. *he*, а и.е. *HC > др. арм. *VC*

Раздел “Древнегреческий язык” открывает большая и сложная статья Ф. Бадера (Париж), в которой рассматриваются (с. 317–344) некоторые частые проблемы древнегреческой просодики и рефлексии ларингалов. В другой статье К. Й. Руйгх (Амстердам) исследует анаптиктический гласный (с. 345–356). Далее следуют три этимологических этюда: К. Штрукка (Мюнхен) “Griechisch δένδρον und Zugehöriges” (с. 357–363), Т. Гото (Осака) “Griechisch ἐλεφαίρομαι” (с. 365–370) и Г. Шмеи (Инсбрук) “Σχαιαὶ Πόλαι. Zur Orientierung bei Homer” (с. 371–379). В заметке Й. Кноблоха (Бонн) на основе глоттальной теории предпринимается попытка (с. 381–383) реконструкции некоторых количественных числительных в греческом языке. Р. Лансцверт (Берн) восстанавливает (с. 385–394) наличие палатальных согласных для ранней ступени древнегреческого языка. Это, с одной стороны, дает основания пересмотреть этимологию целого ряда греческих слов, а с другой стороны, – взглянуть несколько иначе на генезис ряда согласных в данном языке. Только одной статьей представлен албанский язык: Э. Хэмп (Чикаго) возводит (с. 395–398) претерит 3. л. ед. ч. глагола *dha* ‘дал’ к праформе *e+d(e) плюс ларингал.

В разделе, посвященном латинскому языку, Х. Рикс (Фрейбург) обсуждает (с. 399–408) вопросы образования ряда презентных основ латинского глагола. В одной из своих последних статей О. Семереньи (Фрейбург) (1913–1996) исследует (с. 409–416) этимологию семи латинских слов: *sulpur* / *sulphur* / *sulfur* /, *sol(l)em-*

nis, glis, galea, lupinum n., -us m., teptāre и *timeō*. Э. Ной (Бохум), в противоположность общепринятой точке зрения, приходит к выводу (с. 417–426), что латинское будущее время (b-future) и аналогичное время (f-future) в древнеирландском языке имеют различное происхождение.

В объемной статье П. де Бернардо Стемпел (Майнц), которая открывает в сборнике раздел “Кельтские языки”, широко обсуждается (с. 427–446) генезис категории женского рода в кельтских языках; в небольшой работе Ф. Р. Адрадоса (Мадрид) – проблемы кельтского глагола (с. 447–453). Импульсом для последней публикации стало открытие кельто-иберийской надписи в Боторрите. В краткой лингвистической заметке “Two Old Irish middles” А. Алквиста (Голуэй) описывается (с. 455–456) сохранение в древнеирландском языке глаголов с депонентными окончаниями, имеющими однако медиопассивное значение. Данный раздел заключают два небольших лингвистических этюда: А. Баммесбергера (Эйхштетт) об исконности галльской формы числительного (вин. п.) ‘десять’ [...]*dekantem* (с. 457–464) и Й. Кортхальса (Гамбург) – о происхождении формы *nach* ‘and not’ в древнеирландском языке (с. 465–467).

В разделе “Германские языки” Х. Б. Росен (Иерусалим) обсуждает вопросы установления звукового значения древнейших алфавитов и, в частности, особенности звуковой интерпретации готского алфавита (с. 469–481). Две статьи посвящены критическому анализу взглядов Е. Куриловича, касающихся поэтической метрики: С. Судзуки (Эйхштетт) – древнегерманской (с. 483–490) и Р. Д. Фулька (Блумингтон) – древнеанглийской (с. 491–497). Фр. О. Линдеман (Осло) предпринимает этимологический экскурс герм. слова **dawjana-* ‘to die’, которое он сближает с *-deda*, др. ирл. *díth* ‘end, destruction’ (с. 499–504). К. Шилдс (сын) (Миллерсвилль – США) уточняет (с. 505–512) детали происхождения германских порядковых числительных ‘семь’ и ‘девять’ из соответствующих и.е. праформ, а И. Дуриданов (София) устанавливает (с. 513–515) германское происхождение трансильванского топонима *Caucalandensis (locus)*. В реконструируемой им форме **Kaukalanda*, по его мне-

нию, содержится герм. слово **kauka* с субституцией начального *h-* звуком *k-*, ср. гот. *hauhs*, др. верх. нем. *hōh* ‘высокий’ и т.д.

Два исследования в разделе “Семито-хамитские языки” посвящены вопросам глагола. Р. Стемпел (Бонн) дает сравнительный анализ глагольных категорий статива, перфекта и среднего залога в индоевропейских и семито-хамитских языках и приходит к выводу о высокой степени архаичности последней категории (с. 517–528). А. Заборский (Краков) разбирает взгляды Е. Куриловича касающиеся категории аспекта в классическом арабском языке и в библейском иврите (с. 529–541). Особенностью этих, как и других семито-хамитских языков, как известно, является отсутствие у них отдельных морфологических категорий времени и аспекта, которые в данных языках выражаются преимущественно синтаксически, а также лексически. Рассматривая эти явления также и в современном арабском языке, автор указанной работы приходит к выводу о том, что теоретические постулаты Е. Куриловича приложимы и для некоторых современных диалектов арабского языка. Д. Тестен (Чикаго), исследуя вторичные гласные окончаний мн. ч. местоимений в семито-хамитских языках (с. 543–551), отмечает, что структура слога в их языке была более сложной, чем сочетание **CV(C)*, и предполагает в нем наличие других сочетаний согласных с гласным, типа **CVCC* и **CCVC*. Раздел “Тюркские языки” представлен небольшой статьей М. Стаховского (Краков), посвященной формам комитатива, его функциям и происхождению в якутском и долганском языках (с. 553–559).

Представленный сборник показывает, что опубликованные в нем статьи затрагивают самые различные как общетеоретические, так и сугубо частные проблемы индоевропейского языкознания. Многие из них, как было уже отмечено, связаны с критическим анализом, пересмотром и дальнейшим развитием научного наследия Е. Куриловича в контексте современного сравнительно-исторического языкознания.

Научные выводы, представленные в указанных исследованиях и собранные в них факты, в дальнейшем безусловно еще найдут свою критическую оценку и будут способствовать

развитию сравнительно-исторического и общего языкознания. В рамках одной или даже нескольких публикаций не представляется возможным дать им удовлетворительный анализ и соответствующую оценку. Здесь хотелось бы ограничиться только лишь одним общим, но очень важным вопросом, касающимся ларингалов и затрагиваемым во многих представленных публикациях.

Современная теория ларингалов, как можно видеть, не мыслится без открытий, сделанных Е. Куриловичем. Суть ларингальной теории невозможно также отрицать, как, например, действие палатализации на возникновение аффрикат и фрикативных согласных в языках различных семей, однако современная постановка и освещение данного вопроса наталкивается на многие проблемы.

В статьях юбилейного сборника приводятся многочисленные детальные реконструкции корней, основ, окончаний с ларингалами как в индоевропейском праязыке, так и почти во всех отдельных праязыках этой языковой семьи. Размах и многочисленность представленных здесь реконструкций невольно дают основания для вопроса: не возводится ли данный метод в ранг идеализации, как в случае с санскритом, когда в прошлом веке всё и вся объяснялось в основном с его позиций? На этот скепсис во многом наводит раннее высказывание одного из авторов сборника Ф. Бадера, который в работе “Области индоевропейской реконструкции”, отмечал, что “если учитывать тот факт, что индоевропейский, как и другие языки, с самого начала находился в постоянном развитии, то можно задаться вопросом, не есть ли его детальная реконструкция не более чем мираж” (F. Bader, *Domaines de la reconstruction indo-européenne*, – *Journée d'études*, VII, 1983, 37–61; пер.: Новое в зарубежной лингвистике, XXI, Москва, 1988, с. 202). Не сталкиваемся ли и мы с такими миражами в указанных выше случаях?

Сомнений не вызывает наличие ларингалов в раннем индоевропейском и анатолийском праязыке. Как показывают обобщающие исследования в этой области Г. К. Мелхерта (ср. “*Anatolian Historical Phonology*” Amsterdam–Atlanta, GA 1994), в анатолийском праязыке непосредственно реконструируются два ларингала: глухой (fortis) *H из h_2 (в инлауте

в позиции отсутствия ослабления) и звонкий (lenis) h из h_3 (в анлауте) и из h_2 (в инлауте в позиции ослабления). Кроме этого, возможно также предположить и наличие ларингала в eh_1 , который в лувийском, ликийском и лидийском языках давал *ā. (Только путем косвенной реконструкции возможна реконструкция h_1 , а также h_3 в инлауте.)

Остановимся на основных недостатках современной интерпретации ларингальной теории. До сих пор отсутствует единое мнение о количестве ларингалов: их, как известно, реконструируется от трех-четырех до десяти, причем степень их обоснованности (за исключением известных открытий Е. Куриловича) более или менее одинакова и выходит за рамки обычной внешней и внутренней реконструкции. Отсутствует единая система их транслитерации: наряду с обозначениями *H, *H₁, *H₂, *H₃, и *h, *h₁, *h₂, *h₃ они обозначаются также *h_x, *h_q, *A, и *γ, *γ^w, *x, ? и т.п. (Не совсем понятно обозначение ларингала на с. 395.) Нередко в одной основе или слове реконструируется одновременно до трех ларингалов, ср., напр., реконструкцию и.е. праформы в виде * $h_2eh_xseh_a$ - ‘fige-place’ и др. (ср. с. 207–210.) Не являются ли подобные реконструкции явно гипертрофированными? (На эту мысль наводит также и отсутствие списка слов с ларингалами в соответствующем индексе на с. 561–275.) Таким образом реконструируемые ларингалы остаются по-прежнему абстрактными звуковыми единицами, лишенными определенной фонетической интерпретации.

Степень надежности реконструкций с ларингалами никак нельзя сравнить со степенью надежности тех реконструкций, которые осуществляются с помощью традиционных методов. (Поэтому ларингальную реконструкцию следует специально отделить от традиционной и вместо знака < “происходит от, восходит к”, как в обычных случаях, можно использовать знак ≤, а для реконструируемых форм – двойной астериск ** вместо обычного астериска *). Можно заметить, что нередко используются реконструкции реконструкций (реконструкции “в квадратной степени”), к примеру, в одной из работ здесь постулируется, что в интервокальной позиции ларингалы в индоиранском “were lost”, потом в ряде случаев ларингал “was restored”, потом в ин-

дийском "was lost" снова. Думается, вряд ли можно признать такую методику надежной.

Обратим особое внимание и на следующее обстоятельство: если первые памятники анатолийских языков восходят к XVII в. до н.э., а распад общеславянского языка (в котором отдельные исследователи также обнаруживают ларингалы) относят к VI в. н.э., то в данном случае, как и во многих других, мы имеем наглядный пример безбрежной абсолютизации идеи ларингалов. Рефлексами ларингалов, как можно видеть, объясняются явления вокализа различных и.е. языков на протяжении более двух тысяч лет, в то время как все другие причины, вызывающие схожие изменения (которые объясняются большинство последующих изменений в отдельных и.е. языках), совсем игнорируются. Более реалистичными представляются взгляды, согласно которым становление вокализма древнейших и.е. языков было связано с действием множества самых разнообразных и разновременных факторов.

И последнее: нет сомнения в том, что реконструкция раннеиндоевропейского языкового состояния, где нельзя обойтись без ларингальной теории, представляется более сложным процессом, чем реконструкция и.е. праязыка периода его распада. При этом объяснение многих явлений при последней реконструкции, как хорошо известно, часто осложняется целым рядом различных исключений. Однако, нередко выглядит так, что реконструкции с ларингалами, когда они традиционно ограничены, являются более простыми, чем конвертация современных валют. Когда же эти реконструкции выходят за свои обычные рамки, то они часто напоминают (используя известное изречение младограмматиков) "мастерскую, где куются душные праформы" (в данном случае – *праформы* праформ), откуда так и хочется выйти на воздух осязаемой действительности. Поэтому, по всей видимости, будущее ларингальной теории не в идеализации, наблюдаемой сейчас, а в дальнейшей ее разработке, которая, на наш взгляд, немислима без данных теоретической и экспериментальной фонетики, а также привлечения данных типологии. Но это уже та задача, которую предстоит решить лингвистике в наступающем третьем тысячелетии.

Юбилейный сборник статей, посвященных столетию со дня рождения Е. Куриловича,

является солидной данью памяти этого замечательного польского лингвиста и представляется образцовым для изданий подобного рода. Представленные в нем работы во многом отражают уровень современной компаративистики и являются стимулом для дальнейших исследований и плодотворных дискуссий в этой области.

Олег Поляков

Akten des VIII. Internationalen Kolloquiums zur lateinischen Linguistik. Proceedings of the Eighth International Colloquium on Latin Linguistics, hrsg. von Alfred Bammesberger, Friedrich Herberlein, Heidelberg, Universitätsverlag C. Winter, 1996, 550.

VIII Tarptautinio lotynų lingvistikos kolokviumo, įvykusio 1995 m. balandžio 24–28 d. Katalikiškajame Eichstätto universitete, medžiaga tematiškai suskirstyta į tokius skyrius: „Etimologija–morfologija–fonologija“, „Sintaksė“, „Semantika“ ir „Kalba ir stilius“. Kolokviumo dalyvių pranešimai skelbiami anglų, vokiečių, prancūzų ir ispanų kalbomis. Šioje recenzijoje apžvelgiami visi straipsniai iš pirmojo ir trečiojo skyrių, nes jų indoeuropietiškas kontekstas platesnis ir teorinė mintis gilesnė. Pirmasis skyrius, o kartu ir tomas pradedamas H. B. Roséno (Jeruzalė) straipsniu „*Unda, fundus, νόμῳ* greta kitų etimologijų ir VII veiksmoždžių esamojo laiko klasė“. Jame mėginama paneigti iš F. de Saussure'o einantį istorinėje lyginamojoje indoeuropiečių kalbotyroje įsigalėjusį supratimą, kad senosios indų kalbos veiksmoždžių esamojo laiko VII ir IX klasė yra sudarytos su infiksu *-ne-/-n-*.

1878 m. savo studijoje „Memuaras apie indoeuropiečių kalbų pirminę balsių sistemą“ dvidešimtmetis Ferdinandas de Saussure'as aiškiai, logiškai, gal kiek racionalizuotai pagrindė tezę, kad senosios indų kalbos veiksmoždžių esamojo laiko VII klasė (pvz., *yunákti* „jis kinko, jungia“) ir IX klasė (pvz., *prnāti* „jis pila“) yra ne du pažiūrėti skirtingai sudaryti prezenso kamienai – VII su infiksu, IX su nazaline priesaga, bet iš tikrųjų abi klasės yra tos pačios darybos, būtent: IX klasė su-